

Обзоры и рецензии

ДРАГОЦЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ*

Даже на общем фоне всегда значительных по своей содержательности томов «Литературного наследства» эта с любовью подготовленная книга выделяется богатством и значительностью опубликованных текстов.

Не так уж много писателей представлено в рецензируемом томе. Но какое разнообразие жанров! И что, пожалуй, особенно интересно: здесь, на этом сравнительно небольшом «плацдарме» неопубликованных литературных опытов, фрагментов, бегло зафиксированных впечатлений, рельефно выступают два основных, мощных стилевых потока советской литературы. Они неотделимы друг от друга, но каждый из них глубоко своеобразен. Мы говорим о реалистическом и романтическом направлениях.

Романтизм... Когда думаешь о нем, в памяти всплывает шутка князя Вяземского: «Романтизм, как домовый: многие верят ему; убеждение

есть, что он существует, но где его приметы, как обозначить его, как наткнуться на него палец?» Для нашего литературоведения романтизм уже как будто перестает быть «домовым», в праве на жизнь ему уже как будто не отказывают, но полного доверия к нему, полного понимания его значительности, силы и самой его природы все еще нет. Жизненная правда, социальная глубина, историзм — все это обычно связывают только с реалистическим искусством. Часто говорят о познавательном значении того или иного реалистического полотна, но, кажется, еще никто не поставил вопроса о познавательном значении романтизма.

А ведь писатель-романтик также занимается художественным исследованием социальной действительности. Романтическое искусство, если оно воодушевлено высокими идеалами, не только выражает субъективную фантазию художника (хотя оно и эксцентричнее, «капризнее» реалистического искусства), но и открывает объективно существующие сторо-

* «Литературное наследство», т. 74. «Из творческого наследия советских писателей», 1965, 742 стр

ны жизни — более патетические, яркие, эмоциональные, контрастные. Оно не только все освещает своим причудливым светом, но — позволим себе выразиться «романтически» — помогает нам лучше увидеть то пламя, которое никогда не гаснет и в самой «обыкновенной», «будничной» жизни и которое разгорается в делах и борьбе людей, отдающих свои силы великим целям. Если для реалистически-конкретного искусства характерны углубленный психологизм, индивидуализация характеров, изображение жизни в ее повседневном, «обычном» течении, то романтическое видение мира, отнюдь не чуждое психологических нюансов и вкуса к бытовой детали, стремится к предельной интенсивности художественного впечатления. Романтизм раскрывает душу человека, так сказать, в моменты наивысшего накала. Романтизм позволяет улавливать многое сокровенное, что не столь остро ощущается реалистически-конкретным искусством.

В рецензируемой книге искусство романтического стиля представлено Багрицким, Бабелем, Артемом Веселым и Александром Грином. «Позвольте! — скажет нам иной литературовед. — Зачем же вы объединили их в какую-то группу? Эти писатели совершенно непохожи друг на друга!» Конечно, непохожи. Но дело в том, что романтизм так же многообразен, как и реализм. Воображаемый оппонент, наверное, и слова не скажет против, если мы перечислим в одном ряду — как реалистов — Горького, Вересаева, Фурманова, Алексея Толстого, Фадеева, Ильфа и Петрова, представленных в рецензируемом томе. Однако есть некоторая стилевая общность и у тех четырех писателей, которых мы причислили к романтической плеяде советской литературы.

Ромен Роллан, читая Бабеля, ощутил в нем «неукротимую энергию»¹. Это была энергия художника, наделенного пламенным, романтическим темпераментом (недаром в «Сыне рабби» рассказчик говорит о «бурях» своего воображения). Перед этим художником мир раскрылся в яростном кипении красок, в самых неожиданных и парадоксальных столкновениях мыслей и страстей. Ювелирность изображения соединилась с такой причудливой фантазией, которая позволяла легко и внезапно переходить от потрясающе грубой детали к библейской патетике. Оттого так субъективны, так односторонни некоторые его восприятия — и оттого же ему было дано подсмотреть и запечатлеть многое, что было в жизни и что мы — без него — не увидели бы в таком ослепительном свете.

Некоторые из опубликованных в «Литературном наследстве» набросков Бабеля к «Конармии» — своеобразные, исполненные трагической динамики стихотворения в прозе. «Убитые, разрубленные, солнце, пшеница, солдатские книжки, листки Евангелия» (стр. 490). «Сестра. Ночь. Отчаяние. Рассвет» (там же). «Отъезд из Брод. Нетронутый паровой гарнитур. Экономия. Выхожу по естественной нужде... Труп. Блещущий день. Все усеяно трупами, совершенно незаметными среди ржи» (там же). Мазок за мазком — стремительные, напряженные, иногда безжалостные в своей точности. Так складывалась редкая по интенсивности красок трагическая мозаика, которая называется «Конармия».

Автобиографический рассказ Бабеля «Детство. У бабушки» — это

¹«J'ai lu de lui des pages d'une sauvage énergie». (Неопубликованное письмо Р. Роллана к А. М. Горькому от 20 февраля 1929 года, Архив А. М. Горького при ИМЛИ.)

лирическая проза¹. В рассказе соединяются и печаль, и нежность, и ирония, осуждение дремотной и эгоистически-замкнутой жизни провинциального мирка — и поэзия воспоминаний о детстве. Бабель охотно прибегает к юмору, к легкой насмешке над собой, — традиционный прием романтиков, предохраняющий их от сентиментальности.

О стихийном, «буслаевском» романтизме Артема Веселого дают представление публикуемые стихотворения в прозе из незавершенного цикла «Золотой чекан». В них проявились и сильные стороны своеобразного художника — живописность, импульсивность, и слабые — некоторая претенциозность, порою грубость и безвкусица («розы ржали» и т. п.).

Опыт одного из интереснейших поэтов нашего времени, Владимира Луговского, говорит об огромных возможностях романтизма в области философской поэзии. Публикуемые фрагменты отражают работу поэта над созданием чеканных философско-поэтических «формул», в которых он хотел бы запечатлеть «гигантское многообразие явлений» (стр. 719). И вместе с тем какая изобразительность, конкретность, психологическая достоверность! Например, фрагмент «Октябрь». Мы видим как живых и «ученого попа», который служит «печальную и злую панихиду», и сестру-красавицу, «грозно» глядящую «сухими и огромными глазами», и «иконописного» плотника (стр. 705—706). Напрасно многие думают, что романтизм — это всегда какие-то смутные видения и абстрактная мечтательность.

¹ Брюнетьер в свое время предложил формулу: романтизм — это лиризм. Формула односторонняя, узкая, но не совсем неверная. Конечно, не всякий лирик — романтик. Но всякий романтик — лирик.

Любопытны черновые наброски Александра Грина. «Мало кто из русских писателей так прекрасно овладел словом во всей его полноценности, и никто, я уверен в этом, не умеет так сюжетно строить», — сказано об авторе «Бегущей по волнам» в одном из писем Багрицкого, публикуемых «Литературным наследством» (стр. 462). Читая гриновские фрагменты, видишь, как упорно он добивался этой «полноценности» слова, и испытываешь радость неожиданной встречи с гриновскими мечтателями и странниками — персонажами романа «Недотрога», который, увы, так и остался в черновых набросках.

Багрицкий представлен в томе письмами и рисунками. Эпистолярное искусство, по-видимому, меньше всего интересовало поэта. Но и в лапидарнейших письмах, вернее, записках Багрицкого отразились обаятельные черты его характера, в частности постоянная готовность помочь молодым писателям. Самое же замечательное в разделе, посвященном Багрицкому, — рисунки поэта. В этой динамической графике, в которой игра воображения соединяется с острой наблюдательностью, фантастическое — с реальным, есть что-то напоминающее наэлектризованные записи Бабеля.

О могучей силе реалистического искусства думаешь, когда знакомишься с горьковскими материалами, опубликованными в томе.

Фрагменты из первоначальных редакций «Жизни Клима Самгина», помимо того, что они помогают понять процесс создания гениального романа, интересны прежде всего своей художественной значительностью, психологической тонкостью, реалистическим полнозвучием. Какой беспощадной взыскательностью к са-

тому себе обладал мастер, «не принявший» этих своих текстов, оставивший их в своей лаборатории!

Рассказ Любаши Сомовой о деревне — это законченная новелла, несколько напоминающая по своей безжалостной реалистичности бунинские картины крестьянской жизни. Описание торгово-промышленного съезда в Нижнем-Новгороде также носит целостный характер. Здесь на каких-нибудь полутора страницах воссозданы многие типические черты трех социальных групп — «хозяев» (участники съезда), либеральной интеллигенции (Самгин), деклассированной, анархистствующей интеллигенции (Иноков). В нескольких строках дан острый и красочный портрет Саввы Морозова — белой вороны в стане «хозяев». На миг появляется Менделеев — и мы уже видим этого монументального человека с «львиной гривой седых волос», слышим его «резкий голос» (стр. 124), по нескольким его словам и по ядовитой ответной реплике Саввы Морозова представляем себе политическую ориентацию знаменитого химика.

В томе опубликована первая редакция пьесы «Фальшивая монета», еще заключавшая в себе, как отмечает Б. Бялик, «элементы той мелодраматичности, которая Горькому свойственна не была, даже того «утешительства», которое обычно являлось мишенью его ударов» (стр. 54). Сопоставляя эту редакцию с окончательной, снова удивляешься целенаправленности труда и взыскательности писателя, упорно стремившегося к прояснению и углублению замысла, к созданию пьесы острого социального звучания.

Принципиально важное значение имеет опубликование пьесы Дмитрия Фурманова «За коммунизм», кото-

рую он называл своим «первым литературным трудом» (стр. 237). Огромный талант Фурманова еще не виден в этой пьесе в полной силе, но зато проявилась необычайно важная, необычайно перспективная тенденция — тенденция к изображению борца революции как живой личности. В сущности, это трагическая поэма о любви — о любви настоящей, цельной и прекрасной, основанной на глубоком духовном единстве мужчины и женщины. Как знаменательно, что художник революции — в разгар гражданской войны — задумался над этой темой! В пьесе Фурманова мы уже находим тот органический сплав общественного и личного, который будет в дальнейшем характерен для лучших произведений советской литературы. Изображение красноармейской массы, живое и колоритное, предвещает дальнейшие творческие свершения Фурманова.

Публикуемые черновые варианты первой редакции «Молодой гвардии» Фадеева — лишь незначительная часть набросков, не вошедших ни в одну печатную редакцию романа. Но и эти варианты дают представление об огромном труде, которого потребовало создание замечательного полотна, реалистического по основной манере автора и в то же время обогащенного элементами романтической приподнятости и красочности. Вообще грань между реалистически-конкретным стилем и романтическим более или менее условна, и нередко происходит взаимное обогащение двух манер.

Алексей Толстой мало записывал, больше полагаясь на память и воображение. Но и в его лаконичных набросках нередко встречаются в той или иной степени законченные, удивительные по своей рельефности,

художественные характеристики людей и событий. Например: «Низенькая женщина из Харькова, с лягушачьим ртом, говорит всю дорогу о том, как она кого-то перехитрила с контрактом. От нее воняет жженым сахаром и сырым мясом» (стр. 290). Много фактов, исторических и бытовых справок. Это записи художника-историка.

«Американский дневник» И. Ильфа помогает понять, как возникла добротная ткань «Одноэтажной Америки». Каждая из этих беглых записей — осколок жизни; много метких социально-психологических характеристик. Каким-нибудь «мелким» штришком, вроде «море спокойно, даже как будто асфальтировано» (стр. 543), мгновенно создан художественный образ.

У нас сейчас много пишут, говорят и спорят о жанре фантастического романа, изображающего будущее. Поэтому особенный интерес приобретает неоконченный роман Е. Петрова «Путешествие в страну коммунизма». Е. Петров хочет раскрыть самое главное — душу человека, живущего при коммунизме. Правда, человек этот дан эскизно; сплошь и рядом лишь конспективно намечен мотив, который предстоит развить. Гораздо колоритней и законченней получились сатирические портреты американского миллионера Фингльтона и его дочери Одри. Но ориентацию писателя на проникновение в культуру и психологию нового общества можно было бы горячо рекомендовать нашим писателям-фантастам, которые зачастую концентрируют свое внимание на техническом прогрессе, забывая о человеке.

Широко представлены в томе материалы к повести В. Вересаева о первой русской революции, они от-

носятся к началу века (1905—1908 годы). Тут есть интересные драматические зарисовки. В материалах отразились и идейные искания, и колебания художника, которого Горький в те годы довольно язвительно назвал «великомучеником рафинированной интеллигентности»¹. Критицизм в отношении к прогнившему режиму, искреннее сочувствие революционному движению соединяются в записях Вересаева с некоторой растерянностью перед взметнувшейся народной стихией.

В томе представлена и критика. Неизвестные статьи Луначарского, написанные во второй половине 20-х — начале 30-х годов, не только богаты интереснейшими оценками отдельных явлений русской и мировой литературы (Горький, Шолохов, Пастернак, Маяковский, Бальзак, Диккенс, Флобер, Золя), но и представляют собой образец критики, стремящейся к синтезу, к широким эстетическим обобщениям.

Опубликованные в этой книге материалы не только расширяют наше представление о ряде писателей, о советской литературе и критике минувших десятилетий, но и помогают лучше понять нашу литературную современность. Эти материалы, в которых отразился дух напряженных творческих исканий, высокой ответственности перед народом, дают возможность острее ощутить преемственность идейно-художественных концепций в развитии социалистического реализма, глубокую органичность, жизненность и взаимную связь его основных стилевых направлений.

Помимо вступительных статей к разделам и комментариев, в томе дана общая вступительная статья

¹ Неопубликованное письмо А. М. Горького к Е. П. Пешковой, конец марта 1907 года, Архив А. М. Горького при ИМЛИ.

В. Борщукова, которая умело вводит читателя в этот своеобразный архив, где нет архивной пыли и где все полно жизни. Между прочим, в статье сообщается о намерении редакции и в дальнейшем систематически знакомить общественность с

неопубликованными материалами, относящимися к истории советской литературы. Нам остается лишь пожелать «Литературному наследству» новых успехов в этом большом и важном деле.

Н. ЖЕГАЛОВ

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ, КАКИМ ОН БЫЛ *

Книга, написанная тридцатью семью друзьями, соратниками и учениками Кольцова, воскрешает облик замечательного писателя и журналиста, жизнь и деятельность которого тесно сплелись с историей Советской страны. Сборник открывается вступительной статьей Б. Агапова. С воспоминаниями о совместной работе с Кольцовым в газете «Правда», в журналах «Огонек», «Чудак», «Крокодил» и в «Жургазе» выступают С. Виноградская, Н. Беляев, Н. Кружков, С. Евгенов, Д. Заславский, Г. Рыклин, Э. Голомба. О встречах с ним рассказывают К. Чуковский, Н. Равич, Л. Кассиль, Л. Никулин, Т. Тэсс, В. Ардов и др. Интересны воспоминания С. Прокофьевой о Кольцове как об инициаторе больших государственных дел, И. Майского о совместной работе с Кольцовым в Наркоминделе в 20-х годах. Герой Советского Союза Н. Кузнецов, О. Савич, А. Эйсер, Р. Кармен и Э. Вольф рассказывают о «таланте бесстрашия, каждодневного мужества» Кольцова во время событий в Испании. Особенно выделяются воспоминания, написанные братом Михаила Кольцова, известным художником Борисом Ефимовым. Пожалуй, эти страницы и составляют сердцевину всего сборника.

Книга «Михаил Кольцов, каким он был» обращена не только в прошлое. Она, как эстафета, передает опыт живого Кольцова новому поколению литераторов-журналистов.

Творчество Кольцова уже давно стало примером для многих советских журналистов. На страницах печати мы то и дело встречаем цитаты из произведений Кольцова, ссылки на его высказывания.

Это не просто дань уважения к замечательному журналисту. Страстность, боевая целенаправленность, умение видеть за «мелочами» большие и важные проблемы строительства новой жизни — вот что делает произведения Кольцова актуальными и нужными сегодня.

В 1936 году Кольцов опубликовал в «Правде» фельетон «Похвала скромности», в котором он мечтает о времени, когда качество советских изделий будет определять мировые стандарты. Через тридцать лет, 16 апреля 1966 года, «Неделя» печатает статью Вик. Матвеева «Идеи и холодильники», которая начинается большой цитатой из этого фельетона. Доктор юридических наук Г. Свердлов публикует в «Литературной газете» статью по вопросам семейного права и ссылается на очерк Кольцова «В загсе», напечатанный в «Правде» в 1936 году. В «Вечерней Москве» появляется статья «Машина с зеле-

* «Михаил Кольцов, каким он был», «Советский писатель», М. 1965, 328 стр.